

*Лезвие ножа
перерезает горло
жертвы. Топор
рассекает
человеческую
плоть. Маньяк
снимает скальп с
убитых. Пуля
сносит половину
черепя,
забрызгивая экран
кровью и мозгами.
«Для меня насилие
— это хорошо
поставленный
специальный
эффект», —
говорит Том
Савини, «гений
крови», «мастер
шока».*

РАБОТА НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ

Загорелый, бородатый, с атлетической фигурой, с озорной насмешкой на губах Савини известен как большой сердцеед. Но когда он работает над шоковыми эффектами, то полностью выключается из личной жизни, не замечая ни времени, ни людей. Его прямота и способность самопогружения говорят об ог-

ромных резервах нервной энергии. Савини еще и актер, и довольно искусный каскадер. Картина Джоржа Ромера «Рассвет живых мертвецов» стала первой, в которой «кровавые эффекты» Савини были отмечены, как нечто выдающееся, обеспечивающее успех фильму.

— Мне было 12 лет, когда я посмотрел фильм «Человек сться-

чьими лицами» о Леоне Чанеи, актере немого кино, каскадере и исполнителе главных ролей в ранних фильмах ужасов. Судьба этого человека потрясла меня, и я захотел стать похожим на него.

Мальчишки моего возраста проводили все свободное время на футбольном поле, а же часами простаивал перед зеркалом и строил всевозможные рожицы своему отражению. «Мартин» Роме́ро стал первым фильмом, в котором я взял на себя смелость разработать и создать специальные шоковые эффекты. Режиссер хотел снять сцену, где шею человека прокалывают острой палкой, но тот самый момент, когда палка входит в тело жертвы, он решил показать на шее овцы. Я сказал: «Нет, мы снимем сцену так, чтобы в кадре было лицо человека», причем в тот самый момент я понятия не имел, как мне удастся это сделать. Позднее, работая над картиной «Рассвет живых мертвецов», я все время придумывал различные спецэффекты. Я знал, что могу обсудить с Джоржем Ромеро любую идею и, если она покажется ему стоящей, он непременно включит ее в фильм. Например, я придумал способ убийства зомби при помощи отвертки, которую втыкают ему в ухо.

Когда Савини предлагают контракты на специальные эффекты, он сперва знакомится со сценарием, просчитывает расходы и назначает окончательную цену за весь объем работы. Бывает, что он придумывает новые эффекты и вводит их в картину, не требуя дополнительных денег. Сам он утверждает, что осуществление задуманного эффекта доставляет ему творческое наслаждение.

— Мне нравится работать с воском и клею своими руками, готовить схемы на бумаге, а затем смотреть, как они реализуются на экране. Безусловно, я отношусь к созданию спецэффектов, как к магии, иллюзии. Маги используют прием отвлечения

внимания публики от главного, что помогает им провести трюк. Я поступаю таким же образом. Скажем, если я наносу кому-нибудь удар топором, мне надо необходимо сначала показать, как топор разбивает окно, врезается в стол, т.е. дать почувствовать разящую реальность с тем, чтобы когда в сцене появится бутафорский топор, зритель не заметил подмены. В «Маньяке», например, есть сцена скальпирования. Убийца снимает скальпы с убитых им женщин. В качестве орудия он использует не скальпель, не опасную бритву, а нож с выдвижным лезвием. В данном случае мы вводим в действие отвлекающий звуковой компонент: щелчок, злое шипение выдвигающегося лезвия. В фильме есть сцены, где зритель не видит ножа, но слышит его присутствие. Он уже «готов», его фантазия уже работает, она — мой союзник.

В «Маньяке» Савини-создатель спецэффектов должен был убить Савини-актера выстрелом в упор через лобовое стекло машины. Отвергнув стандартный прием, когда за руль помещается манекен, Савини создал мляж собственной головы, начинив ее «мозгами» и «кровью». В фильме мы видим этот эффект в мельчайших подробностях, поскольку он был специально заснят рапидом (методом замедленной съемки). По словам Стивена Кинга, который видел фильм на кинофестивале в Кан-

нах, «люди выбегали из зала, зажав рты руками».

— Говорят, что во мне есть болезненность, патология, скверна, утверждают, что я должен быть жестоким человеком. На самом же деле я девятилетний ребенок, который пытается надуть простаков. Но, с другой стороны, я и сам иногда думаю, может ли что-нибудь вызвать у меня отвращение. Возможно, это объясняется моим пребыванием во Вьетнаме, а может быть, это результат специальных тренировок, которыми я занимаюсь. Для меня насилие — это лишь хорошо поставленный специальный эффект. Однажды я присутствовал даже на вскрытии и увидел, что под кожей у человека есть жировой слой и использовал это в сценах скальпирования в фильме «Маньяк» при помощи слоя вазелина под муляжным лбом. Это производит впечатление, даже, если вы не знаете анатомии. Маленькие детали наподобие этой, создают эффект подлинности. Это мое искусство, моя жизнь. Это то, чем я занимаюсь.

Создавая сцены насилия на экране, Том Савини стремится остаться прежде всего реалистом, потому что он убежден, что страдания и смерть жертвы должны вызывать у зрителей чувство ненависти к насилию и к насильнику.

— Я был на войне, я видел смерть, и у меня нет на этот счет никаких иллюзий. Когда в человека попадает пуля, он не

восклицает «Ах!» и не падает картинно на землю. У умирающего в первую очередь «отваливается» челюсть, затем один глаз закрывается, другой — остается полуоткрытым. На лице появляется отвратительная гримаса — выражение ужаса и сознание неизбежности смерти. А вместо этого на экране мы то и дело слышим «бум» да «бах», падение тел и... следующий кадр. Меньше всего меня можно обвинить в том, что я стараюсь сделать людей менее чувствительными к насилию. Нао-

Создавая сцены насилия на экране, Том Савини стремится остаться прежде всего реалистом, потому что он убежден, что страдания и смерть жертвы должны вызывать у зрителей чувство ненависти к насилию и к насильнику.

борот, я стремлюсь показать им, что насилие отвратительно, чудовищно, ужасно. И чудовищно не показывать им это. Я прихожу в ужас от таких, например, телевизионных новостей, когда вам показывают, как солдат в той или иной «горячей» точке нашей планеты стреляет в фоторепортера разрывными пулями. И это показывается с невозмутимым спокойствием. Нельзя позволить себе привыкнуть к насилию. Оно должно быть показано в таких подробностях, чтобы у смотрящего была одна только мысль о противоестественности и недопустимости убийства. Задумайтесь над этим».

Два года назад Том Савини в качестве режиссера снял римейк фильма Джоржа Ромера «Ночь живых мертвецов». Ромеро был продюсером картины и, похоже не позволил лучшему из лучших специалистов по шоковым эффектам развернуться. «От задуманного мною, — сетует Савини, — осталось каких-нибудь 30-40 процентов. Все словно сговорились и от советчиков не

было отбою, наверно, они просто боялись, чтобы я не переборщил».

Савини противник всяческой цензуры, кроме возрастных ограничений. Он умолял Ромера проследить за тем, чтобы фильм «Ночь живых мертвецов» был перенесен на видеокассету без каких-либо изменений, чтобы не пропал ни один кадр. Но купюры все же были, и это добавило автору скепсиса в отношении первой пробы «режиссерского пера».

Савини вернулся к своей прямой работе и поклонники жанра могут увидеть такие фильмы как «Травма» Д.Ардженто, «Некрономикон» Б.Юэнс, «Убийца Зое»

Р.Эйвари, новую версию Бонни и Клайда, а также психологический триллер «Клаустрофобия», где Савини, наверняка, предложит что-нибудь «новенькое», тем более, что, как вы заметили, у него существует целая теория на счет того, зачем и как нас пугать.

— Мне так странно слышать, когда обо мне говорят «гений», «мастер»... Но вот недавно ко мне приехал из Чикаго шестнадцатилетний парень и привез собственную версию «Рассвета живых мертвецов». Он тоже увлекается спецэффектами: оторванные руки и тому подобные трюки. Так вот: он стал снимать фильм обо мне: как я завтракую, как играю в футбол и т.д. мне было интересно посмотреть этот фильм, увидеть свою жизнь со стороны, как бы его глазами — жизнь человека, занимающегося любимым делом и получающего деньги за то, что он готов делать и бесплатно. Можно ли желать большего?

Е. ПОЛЯКОВА